

ВОЙНЫ
ВР
РАЗВЕДОК

РОМАНЫ О СПЕЦСЛУЖБАХ

Георгий Свиридов

**Время
возмездия**

МОСКВА
2023

ЯУА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свиридов, Георгий Иванович.

С24 **Время возмездия / Георгий Свиридов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2023. — 384 с. — (Войны разведок. Романы о спецслужбах).**

ISBN 978-5-04-187003-4

Операция Павла Судоплатова. Основанная на реальных событиях история о советском разведчике от классика остросюжетной прозы Георгия Свиридова. В тыл врага отправляется не опытный разведчик, а боксер-профессионал.

В конце 1942 года на сторону немцев переходит сержант Игорь Миклашевский, в прошлом чемпион Ленинграда по боксу и защитник города. Враги не ведают, что Миклашевский получил задание от легендарного Павла Судоплатова найти и уничтожить ставшего гитлеровским пропагандистом известного советского актера Блюменталь-Тамарина, а затем и самого Гитлера.

После проверки Миклашевский отправляется в батальон, сформированный в немецкой армии из изменников, в его составе разведчик отправляется во Францию и начинает выполнять свое задание. За короткое время он становится известным боксером и все ближе оказывается к Берлину и своим целям.

Уничтожив Блюменталь-Тамарина, Миклашевский вынужден бежать, но получает тяжелые ранения, и лишь помощь бельгийских антифашистов спасает ему жизнь. А затем был немецкий госпиталь и бегство к французским резистантам, победа и бокс.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-187003-4

© Свиридов Г.И., наследники, 2023
© ООО «Издательство Эксмо», 2023
© ООО «Издательство Яуза», 2023

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВРЕМЯ ВОЗМЕЗДИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Погода изменилась быстро, как и положение на фронте. Еще вчера ласкало долгожданным теплом неяркое февральское солнце, улыбаясь застывшей земле сквозь рваные белесые облака, торопливо бегущие куда-то к югу по бездонно-синему небу. На солнечной стороне искрились хрусткие сосульки. Все вокруг дышало ожиданием весны, и, казалось, еще неделю-другую постоит такая погодка, да и начнется раннее пробуждение природы. Но так только казалось. К вечеру повалил снег. Крупные хлопья медленно опускались на повлажневшие кусты, деревья, на поляны, на озеро, что приютилось в глухомани леса. Снег валил и валил, словно густой марлей покрывая рваные раны, нанесенные человеком мирной природе, забеливая поспешные следы от колес, полозьев, больших и малых воронок, широких танковых траков да и простых людских обувок, словно спеша навести должный порядок.

К утру, вернее, к хмурому рассвету неожиданно подул льдистый, холодный ветер, разогнал тучи, намел сугробы, и зима-лиходейка опять захозяйничала по всей округе, словно спешила закрепить свои позиции. А у берега озера, на старой осине, вершина которой срезана осколком, примостилась озябшая синица. Белошекая,

с длинным черным галстучком на желтой груди. Сверху ей многое видно. Даже сумела разглядеть, как издалека весна приближается. И робко запела: «Зин-зи-вер! Зин-зи-вер! Зиме конец!»

На другом конце озера, на покатом склоне, еще недавно ютилась небольшая деревня. Она была начисто сожжена еще в первый год войны наступавшими гитлеровцами, и уцелевшие люди ушли в леса, покинули пепелища. Лишь остались сиротливо торчать почерневшие от сажи и копоти остовы широких крестьянских печек, сложенных из камня и красного кирпича, да высокий колодезный журавель над старым темным срубом уныло задрал длинную жердь в холодное небо.

Война снова прошла по этому месту, нанося раны земле и природе. Гитлеровцы не удержались и здесь, хотя в спешном порядке и соорудили укрепленные узлы, нарыли окопы, навтыкали кольев, опоясались рядами колючей проволоки. Ничего не помогло фашистам. Многие полегли здесь, на этой чужой им земле. А оставшиеся в живых, отступая, в ярости сожгли две последние, чудом сохранившиеся неказистые избы и, таким образом, начисто разрушили деревеньку.

Но едва затихли боевые действия, из глухой лесной чащобы, окруженной болотами, вернулись уцелевшие жители деревни. Их было немного, старух, женщин да детей, но они вернулись к себе домой, на родную землю, по которой соскучились за годы оккупации. Они сразу сердцем поверили в полное освобождение от врагов, надрываясь из последних сил, перевезли на санках из лесных землянок свои немудреные пожитки, привели и пегую хромую корову да лохматую рыжую дворнягу. Собака то настороженно принюхивалась, то с веселым лаем носилась по пепелищам, узнавая и не узнавая знакомые места.

Вчерашний снегопад хоть выбелил и принарядил разрушенную деревеньку, но не мог скрыть страшные следы войны. То там, то здесь, возле почерневших сиротливых печных труб, навечно забуксовав в снегу, стыли темные железные туши поверженных немецких танков и бронетранспортеров. Два из них еще негусто удушливо чадили в синее утреннее небо, тихо догорая. Разбитая тяжелая грузовая машина лежала на боку без передних колес, с изуродованным, развороченным мотором. Из-под кабины расплылись и застыли сгустки бурой крови и машинного масла. Повсюду видны припудренные снегом воронки, комья стылой земли, раскиданные взрывами. Плетни и редкие жерди заборов поломаны танками, побиты снарядами. А по огородам, что спускались к озеру, темнела обнаженная земля, схваченная морозом. На ней видны грядки, полоски прошлых посадок и редкие капустные кочерыжки, картофельная ботва. Пиками торчали стебли подсолнуха. Жирные, отяжелевшие вороны нехотя отлетали с недовольным карканьем от шустрой дворняги, которая с веселым лаем гонялась за ними по пепелищам, и, взлетев, черными лохмами лениво кружили над деревенькой, над озером и мгlistым лесом.

Из обжитых блиндажей и землянок, словно из-под земли, потянулись вверх белесые струйки домашнего дыма. После двухлетнего перерыва деревенька, словно воскреснув, снова ожила. Люди поддерживали огонь в очагах, печурках, грелись возле них, дышали теплом, готовили еду, кипятили воду, стирали бойцам портянки и гимнастерки, печалились, радовались и думали о завтрашнем дне.

На дороге, что пролегала через деревеньку, ломаной линией стояли «тридцатьчетверки», крашенные для зимней маскировки белой краской. Танкисты, пользуясь краткой передышкой, придирчиво осматривали,

проверяли каждый узел, каждый агрегат. Жизнь этих людей связана с жизнью машины. В бою малейшая оплошность, пустячная неполадка может обернуться гибелью экипажа. Гулко бухали кувалды. Деловито постукивали молотки. Кто-то прогревал мотор, и от танка шел ровный басовитый гул.

А на другом конце деревушки, за линией разрушенных немецких окопов, местные женщины грели баньку для «танкистов-соколиков». Банька чудом уцелела в том огненном смерче, который дважды пронесся по этой земле. Она была старая, срубленная еще в прошлом веке, приземистая, покосившаяся на один бок, с подслеповатым окошком, прокопченная до густой черноты. Топилась она по-черному, с каменкой. Бабка Матрена, сухощавая и юркая не по годам, распорядилась на правах хозяйки, и ее беспрекословно слушались две моложавые женщины. Баньку вымыли, вычистили, разбитое окошко заткнули тряпьем из немецких мундиров, а дверной проем в предбаннике занавесили куском брезента от палатки.

Бабка Матрена удивленно охнула, а за нею всплеснули руками и ее помощницы, когда молоденький «танковый соколик», чья грозная машина стояла поблизости, стянул с головы меховой шлем. Под шлемом оказались явно не мужские по длине своей волосы, хотя и подстриженные довольно ловко. А когда «танкист-соколик» растегнул ремень и снял замасленный короткий полушубок, то под гимнастеркой, на которой сияла боевая медаль, явно обозначились груди.

— Так это ж что ж получается, а?.. Ты, выходит, самая разная баба... девка то есть? — спросила шепотом бабка Матрена.

— Ага, бабушка, — согласно кивнула Мингашева, растегивая ворот гимнастерки.

— Танкист нашего бабьего сословия?

— Ага, бабушка.

— И воюешь?

— Воюю, бабушка.

— И давно?

— С позапрошлого лета.

— А не страшно? В танке не страшно сидеть, когда пушка ухает?

— Не, не страшно. Привыкла уже. А первый раз, когда в бой пошли, ух как жутко было! Мурашки по спине забегали, и сердце заглодело, прямо замерло от страха, — призналась Галя Мингашева, снимая сапоги. — Потом пообвыкла.

— А кем же ты будешь в танке, ежели это не секрет военный?

— Механик-водитель я, веду машину.

— Погоди, погоди. — Бабка Матрена настороженно поглядела на Мингашеву. — Как это сразу и механик ты, и водитель, а? У нас вона в МТСе тож были и механики, и водители. Так механики, которые по ремонту, а водители — энти руль крутили. Кто ж ты на самом-то деле будешь?

— Механик-водитель — это воинское название такое. А я совсем не механик, не ремонтник, а только рычагами двигаю, управляю танком, вожу его, понимаете? Как тракторист!

— Ну, тракторист на тракторе человек заглавный. Как не понимать, ясное дело. — Бабка Матрена согласно кивнула. — Выходит, и ты в танке заглавная фигура?

— Не, командир! Тот, что дрова рубит. Младший лейтенант Григорий Кульга, — с гордостью и любовью в голосе произнесла Мингашева, показывая в дверной проем на Григория, который перед банькой лихо разбивал топором немецкие снарядные ящики.

— Ладный мужик, — оценила его бабка Матрена. — Хозяйственный, видать.

— А не пристаёт? — в один голос доверчиво спросили женщины, помогавшие бабке Матрене и молчавшие до сих пор.

— Ко мне? — удивилась Мингашева.

— Ну да, а то к кому же еще! В танке-то небось еще других солдат женского полу нету.

— Не, не пристаёт, — уверенно ответила Мингашева.

— А другие?

— Не, никто. Командир не допустит, он у нас строгий. Да и я сама не позволю никому никакие ухажерские шуточки, враз отобью охоту. Рука у меня крепкая.

— А тот, который нерусский? На немчурку смахивает. А они до русских баб очень-то охочие.

— Да что вы! Все не немец, а литовец. Из Каунаса он, из Литвы. Юстасом зовут, а мы его просто по-русски Юрой назвали. У него там, в оккупации, невеста осталась.

— Да ты, дочка, раздевайся, раздевайся и шастай в горячий дух, прогрей косточки, — по-матерински заботливо говорила бабка Матрена. — А наши бабы исподнее твое мигом простирают и по-скорому высушат утюгами. Мы ж люди партизанские, в лесу живем, пообвыкли к страхам и опасностям, все теперь по-быстрому делаем, не то что в довоенное время. Натерпелись мы тут, намучились, настрадались... Ведрами слезы понавыплакали. Уж как мы вас, родных спасителей наших, ждали, как ждали!

А немчурка проклятая зверски хозяйничала, побили много наших хороших людей. Ох, побили... Но и партизаны наши давали им жару. У наших даже настоящая пушка была. Старик мой еще в ту германскую войну

при орудиях выслужился, хотя и серьезное ранение в ногу получил. Так он сейчас у партизан за главного пушкря, — похвасталась как бы между прочим бабка Матрена. — А ты смелее, смелее, дочка! Поддай парку-то. Плесни на камни, вон из ковшика, вода там духовитая, на лесных травах настоенная. Пользительная для нашего бабьего тела.

Галия чувствовала себя наверху блаженства, хотя банька была неказистая, внизу, с пола, несло холодом, а вверху, под низким темным деревянным потолком, нечем было дышать от жаркого пара.

Последние недели танкисты вели тяжелые затяжные бои. Не то что помыться, просто умыть лицо было некогда. Насквозь пропиталась запахом солярки да пороховым угаром. А тут такая благодать! Хлестала себя мягким березовым веником, терлась мочалкой, брала из баночки самодельное жидкое мыло, торопливо мылилась, плескала на горячие камни настоенную душистую воду и снова блаженствовала всем нутром и чувствовала, как сходит с нее не грязь, а сползает толстая шершавая кожура, потом просоленная, гарью пропитанная, а из-под кожуры той обнажается молодое, светлое тело, и наливается она силой женской и здоровьем, и душа расцветает, петть хочется, жить хочется и любить своего единственного и дорогого сердцу младшего лейтенанта!

А время бежало за секундной стрелкой, отмерявшей минуты жизни на маленьких ручных часиках, которые она положила на лавку рядом с другими своими ценными вещами и документами. И мозг Галии, уже привыкший к строгости распорядка военной жизни, спешил приглушить блаженство души и сердца, слал приказ рукам, заставляя их двигаться, обмывать распаренное тело, чтобы побыстрее закончить и дать возможность другим насладиться радостью обновления.

Григорий Кульга не был рад этой передышке, короткому антракту между боевыми действиями, хотя понимал, что передышка нужна и усталому до изнеможения телу, и особенно боевой машине. Насчет машины он знал точно. Последние дни она двигалась буквально на нервах и злости экипажа, выдерживая чудом всякие недопустимые уставами и наставлениями перегрузки, как люди, которые последние три недели вели один сплошной, нескончаемый наступательный бой, прогрызая километр за километром глубоко эшелонированную оборону врага на ленинградской земле. Кульга давно чувствовал и понимал, чутко прислушиваясь к напряженной работе «сердца» танка, что мотор тянет из последних своих железных сил, надрываясь в изнеможении, и что надо дать ему краткую передышку, вызвать «скорую помощь» из полковой технической службы, подлечить.

Видел он, что и Галия Мингашева беспокоится, хотя она человек привыкший: на Урале, у себя дома, на испытаниях боевых машин специально старалась создавать всяческие перегрузки, заставить машину жить на пределе, чтобы лучше определить ее боевые качества и потом дать рекомендации фронтовикам. Но за последние дни боев и Галия часто стала хмуриться, тревожно удивляясь, как это «сердце» машины выдерживает и тянет, не сбиваясь с положенного ритма. Видать, на Урале, делая этот именной танк, постарались друзья-комсомольцы, добросовестно подгоняя деталь к детали, крепкие наложив сварочные швы и подобрав живучий дизельный мотор. Впрочем, танк их не лучше иных других, ничем он особенно не отличается. Просто сделан он из доброй уральской стали, круто сваренной, в которую для прочности и силы, помимо всяких нужных ком-

понентов, уральцы добавили и жгучую ненависть к захватчикам, и светлую любовь к родной русской земле.

Да, конечно, мотор и весь танк в целом требовали передышки. И тело требовало, экипаж едва держался, выбиваясь из последних сил. Но душа Григория рвалась вперед. Только вперед! Двигаться, двигаться без остановки и без передышки, давя гусеницами, сшибая стальной грудью, кромсая броней, уничтожая огневой мощью заклятых врагов, самоуверенных, самодовольных до помрачения ума прошлыми победами над беззащитными народами и принесших в наш край смерть и горе. О, как ждал Григорий этого грозного часа начала расплаты, начала полного разрыва блокады и начала изгнания захватчиков с ленинградской земли! И вот они наконец наступили, эти дни, неотвратимые и желанные, страшные в своем неимоверном напряжении и такие радостные для сердца. Наступил, как считал Григорий, последний, третий, завершающий раунд великого поединка. Но враг, еще не поверженный окончательно, еще не сломленный, яростно огрызался, цепляясь за каждый сотворенный им узел обороны, отвечал огнем и смертью, но не мог устоять, выдюжить, как мы в памятном сорок первом, и начал откатываться. И в том отступлении виделась Григорию рассветная заря будущего светлого дня победы. Пусть до нее еще далеко, но она уже видна. Видна в том, что наши части движутся вперед.

У Григория Кульги свои счета с захватчиками. Он рубил топором, разбивал немецкие снарядные ящики, складывал горкой пахнущие смолистым духом щепки, которые тут же относили в баньку, смотрел на них и улыбался, думая свою радостную думу. Позавчера освободили город Лугу. А отсюда рукой подать до Струг Красных. Милые его сердцу Струги Красные! Сколько раз они снились ему за долгие годы войны! Даже не верилось, что ему выпадет такое солдатское

счастье — воевать на этом направлении. Освободить близкую сердцу землю, знакомые и памятные места, где до войны начинал он свою службу, обучался управлять тяжелой и грозной боевой машиной, где тренировался в спортивном зале, отрабатывая на кожаных мешках комбинации боксерских приемов и серий. Как давно, как недавно это было в его жизни! Где они, его друзья-товарищи по сборной команде боксеров, кто из них уцелел в огненном вихре войны? Где они, его товарищи-однополчане, уцелели ли, выжили, на каком участке фронта сражаются? А командиры-наставники? Старший лейтенант Черкасов погиб в сорок первом в танковом бою на подступах к Пскову, где наши танки приняли неравный бой, преградив путь немецким боевым машинам. Капитан Сорокин стал подполковником, потерял руку, служит военпредом на Уральском танковом заводе... А остальные? Разметала всех военная судьба. И Кульге она нелегкая досталась. Сколько пришлось перенести невзгод — перенес. Сколько пришлось выдержать боев — выдержал. И в танке горел, и по льду озера переводил тяжелую машину, и подбивали, и из окружения выходил, и был ранен не раз, и наградами его не обходили, и звание младшего лейтенанта присвоили. Все было в его судьбе. Но главное — выжил, уцелел. И вот он здесь, на ставшей родной и близкой ленинградской земле, в тех же самых памятных местах, где начал войну. И впереди — Струги Красные... Эх, как же они тогда сплеховали, в те полынно-горькие первые месяцы, неумело воюя! Сейчас бы они иначе себя повели, похлеще давали бы сдачи. Конечно, только бы с нынешней боевой техникой. Той самой, сегодняшней, которой тогда, в те печальные дни, так ощутимо, до жуткости не хватало. Страшно вспомнить. А может быть, немцы тогда, два года назад, были другие, покрепче нынешних? Это как

сказать. Нынешние, они тоже не размазни, палец в рот не клади, отхватят с рукой. Жаркий конец зимы получился, огневое пекло с морозом. А в сердце — весна. А впереди — Струги Красные, а там и Псков, и за ним Прибалтика, а далее сама Германия... Далековато до нее, окаянной, но ничего, одолеем километры, дойдем. Раз начали, обязательно дойдем! Такой уж есть русский человек, остановить его, если разойдется, никакому другому народу не удастся.

И, как бы ставя точку своим мыслям, Григорий одним ударом топора разрубил толстую корягу. Та обнажила свое покрасневшее нутро. Григорий улыбнулся, радуясь ловкому удару. Хорошо! Еще одну сейчас раскокает для полного порядка. Но не успел. К баньке спешил стрелок-радист Юстас Бимбурас:

— Товарищ командир! Товарищ командир!

Юстас парень толковый. В бою не горячится, выдержку имеет. И рация у него всегда в полном порядке. В Ленинграде учился, студент. Правда, всего один курс довелось окончить — война помешала. Эвакуировали его вместе с институтом, а он в тылу не усидел, обучился на радиста и пошел добровольцем. У него тоже свои счета с немцами.

— Товарищ командир, «летучка» прикатила!

Техническую службу ожидали с ночи, когда прибыли в эту деревушку на краткий отдых. Но, видать, ремонтники в соседнем батальоне подзадержались. Григорий отложил топор. Крикнул за полог брезента, закрывавшего дверной проем, откуда пахнуло жарким паром:

— Галя, кончай! «Летучка» приехала!

— Я сейчас, по-быстрому, — отозвалась Мингашева. — А ты сам?

— Потом, — отмахнулся Кульга и поспешил за Юстасом, который широкими шагами торопился к «летучке» — грузовику с фанерной будкой на весь кузов.

Ремонтники из подвижной танкоремонтной мастерской знали свое дело. С виду они вроде бы и не спешили, а на самом-то деле не теряли зря и минуты. Как врачи, делали обход боевых машин. Подкатят напрямик к «тридцатьчетверке» — и вот уже слышно, как деловито застучали молотки, заклацало железо. Ремонтники деловито оказывали помощь каждой машине. На одной исправили неполадки, «заштопали» раны, на другой заменили детали, третью снабдили запасными частями. А специалист по дизельным моторам сержант Чукин, человек длинный и тощий, в роговых очках на худом лице, словно врач, внимательно осматривал и выслушивал «сердце» каждой «тридцатьчетверки».

Авторитет у Чукина высок. Редко кто усомнится в его диагнозе. Если сказал Чукин — делай, как он велел. Мастер с большим опытом. И многие танки живы именно благодаря Чукину, который быстро вернул их в строй.

Когда подошел черед осматривать «тридцатьчетверку» Кульги, механик-водитель Галия Мингашева была уже на своем месте, стояла около танка рядом с командиром. Правда, нижнее белье надеть не успела, его только постирали и спешно сушили горячими утюгами. Но верхняя одежда была на ней по всей форме. Только из-под шлема выбилась прядка влажных волос.

Кульга, поприветствовав техника-лейтенанта, высказал свои просьбы и пожелания. Из «летучки» проворно выскочили два парня, лет по шестнадцати, у них на темных форменных ватных куртках синели петлицы ремесленного училища. Следом за ними, держась за скобу, по ступенькам сошел и «бог моторов» Чукин.

— Здравия желаю, — хрипло приветствовал он Кульгу и весь экипаж. С Мингашевой поздоровался отдельно, за руку: — Ну, красавица, как воюется?

Чукин знал, что Мингашева была на военном танковом заводе испытателем машин, и относился к ней уважительно и по-отцовски заботливо. Ставил ее в пример другим, повторяя, что Мингашева хоть и девка, а мотор понимает, нутром чувствует, не запарит его, не перегрузит понапрасну, следит за ним с любовью и лаской, дай бог каждому другому.

— Ну, что у тебя? — устало спросил Чукин, заглядывая через стекла очков в моторное отделение.

Мингашева видела, что у старого механика глаза в красных прожилках, лицо землистого цвета, морщины изрезали щеки. Затяжная усталость, бесконечная работа без отдыха и сна. Ей стало жаль этого пожилого и доброго человека. Не хотелось его ничем тревожить, взваливать на него новую заботу. Но так думала она лишь какое-то мгновение, потом взяла себя в руки. Мотор есть мотор, и она своими силами ничего сделать не может. Нужна помощь ремонтников. И вслух перечислила свои соображения, называя детали машинного «сердца», на которые в первую очередь надо обратить внимание.

— Заведи, — велел Чукин, — послушаем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Марина Рубцова не смогла отказаться от приглашения приятельницы «посидеть у камина и выпить чашечку кофе». Она дважды вежливо отказалась, как принято у бельгийцев, сославшись на вечную занятость женщины, зная, что за приглашением кроется целый ритуал, утвердившийся в этой стране. Ни в коем случае, если даже вы и желаете принять приглашение, нельзя сразу же отвечать, как везде принято: «С большим удовольствием». Нужна выдержка, благородный отказ, ибо в противном случае можно сразу же потерять многое в глазах знакомых. Следуя этому общепринятому среди бельгийцев «хорошему тону», Марина и в третий раз отказалась, ласково проговорив в телефонную трубку:

— Я вам очень признательна, мадам Ван дер Графт, очень признательна, но, право же, не стоит затрудняться...

С Ивонной Ван дер Графт она познакомилась месяц назад в антверпенском зоопарке. Зоопарк крупнейший в стране, и антверпенцы по праву гордятся им. Здесь всегда, в любое время года, многолюдно. Приходят целыми семьями. Простаивают часами возле любимых животных, которых называют «своими». В зоопарке много редчайших птиц и зверей, особенно представи-